

УДК 008: 39

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ ЛИТОВСКОЙ ДИАСПОРЫ РОССИЙСКОГО РЕГИОНА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ БАЛТИИ

Шахов В.А.

Калининградский государственный технический университет, г. Калининград, Российская Федерация.

E-mail: shakhov1952@yandex.ru

В статье рассматриваются проблемы культурной идентичности литовцев – жителей Калининградской области. Раскрыта специфика этнокультурного взаимодействия этой немалочисленной диаспоры с титульной нацией пограничного литовского государства в динамике и статике со всеми вытекающими последствиями культурного, геополитического и экономического характера. Автор подчеркивает значение в поликультурном регионе приоритетных функции культуры, направленных на гармонизацию отношений между отдельными стратами на основе обмена сведениями о об их культурной идентичности на условиях открытого и доверительного взаимодействия и культурного обмена традиционными ценностями. По мнению автора, перед литовцами Калининградского эксклава стоит проблема выбора между полной социализацией в российском социуме с сохранением и развитием своих национально-культурных традиций или окончательного исхода в страны Евросоюза, что может привести к потере их культурно-национальной идентичности в «море» его культурного пространства, подверженного масштабной глобализации.

Ключевые слова: литовская диаспора, этнокультура, идентичность, Юго-Восточная Балтия, этничность, национальные традиции, ментальность.

Значительную роль в развитии культуры в многонациональном российском регионе Юго-Восточной Балтии (Калининградская область) играет литовская диаспора. До распада СССР объективных данных о ней не публиковалось. Весомая часть национального меньшинства этнических литовцев, проживающих на территории Калининградской области, – это выходцы из соседнего независимого литовского государства, и они сохраняют живые связи со своими родственниками в Литве. Более того, многие из них считают себя в определенной степени частью народа Литвы, практически ее гражданами. Это отнюдь не означает, что надо считать их антигосударственным, непатриотичным позиционированием в российском социуме. Ведь в современном мире практически не осталось культур, в которых над универсальным аспектом преобладает локальный, и наоборот. Сегодня в любой культуре обнаруживаются обе позиции. Мировая динамика культуры накладывает серьезный отпечаток на культурную самобытность локальных сообществ. Но что касается Литвы, то возникающие проблемы не связаны, в большинстве своем, с разной ментальностью наших народов – ибо трудно найти

более совпадающие системы культуры и мышления народов разных этнических групп, чем у восточных славян и литовцев.

Современный масштабный мировой общественный кризис ознаменовался ломкой и трансформацией прежних идентификационных основ, поиском и выстраиванием новых моделей самовосприятия. Эти явления, как правило, протекают весьма болезненно. Многие проблемы являются рудиментами «холодной войны».

После приобретения Литвой государственной независимости этнополитические решения не стали чрезвычайно жесткими, но латентный этнический конфликт присутствует. Под влиянием внутренних или внешних политических процессов он проявляется в умеренных формах. И все же, важно констатировать, что процессы, происходящие в русской диаспоре стран Балтии, наносят свой отпечаток на всю совокупность отношений России с государствами Балтийского моря, более того, со всей Европой.

В статистических исследованиях СССР официальные термины были весьма неоднозначны с позиций этнологии, например: «использование в качестве родного языка язык другой национальности» (имелся в виду русский) вместо – «язык семейного общения». Это отражало не реальное языковое поведение, а представление о нем, сложившееся в сфере государственного управления. С началом перестройки фрустрирующие факторы стали снижаться. А затем основным поведенческим мотивом членов диаспор стал национальный дух. Языки нацменьшинств стали не столько этническими идентификаторами, сколько национальными символами, приобрели социальное и политическое значение.

Этническая идентичность имеет в своей основе такие грани, как: общность культуры, религиозные традиции и практики, язык, одинаковое понимание течения истории и общей исторической родины, а также правила взаимоотношений, приоритетов и целей. В случае с калининградским анклавом на значение этнического фактора влияет близость национальной границы титульной нации, причем для этнических литовцев она абсолютно прозрачна. Надо признать, что значительная часть населения Литвы полагает желательным и возможным передел границ с присоединением Калининградской области [1, с. 21].

Этническая деятельность реализует потребности общины в самовыражении и самореализации, выделяет своих лидеров, результативно использующих тонкости политтехнологий. Нарботанные методы политической социализации могут адаптировать многонациональное и многоконфессиональное население Юго-Восточной Балтии к реалиям жизни в демократическом обществе. Эти методы включают в себя многолетнюю латентную стадию неполитического научения (подготовка общественного мнения, осознание экономических и личностных преимуществ новой формы государственности) и стадию прямой политической социализации. Одной из первых выполненных задач будет осознание и литовцами, и славянами, что понятие государствообразующей нации, как и национального меньшинства, – не демографическое, а политическое, осуществляемое госаппаратом, партиями или движениями.

Более ламинарный механизм социально-политического воздействия присущ горизонтальной политической социализации, реализующейся при перманентном выборе из широкого числа конкурирующих между собой на добровольной и равной основе образов мира и моделей поведения. К этому ряду агентов относятся культурные факторы, в т. ч. этнокультурные и субкультурные [2, с. 279–310]. Национальная идентичность – это когда человек отождествляет себя с определенными культурными моделями и социальными отношениями. Процессы ассимиляции и диссимиляции в диаспоре мало коррелируются со степенью знания языка, воцерковленности и состояния литовского духа. Зато экономическое воздействие на диаспору может оказаться необычайно эффективным. В орбиту национальной жизни ныне вовлекаются ранее, казалось бы, полностью ассимилированные семьи, каковыми являются потомки ссыльных во времена польских восстаний. Национальные проблемы, как свои, начала воспринимать не только интеллигенция, но и низшие слои населения, даже смешанные семьи. Для всех групп диаспоры возможна отрицательная динамика отношений со страной пребывания, далекая от лояльности. А влияние структурных российских национальных организаций на литовскую диаспору незначительно. Большую роль могли бы сыграть представители властных и общественных структур государства.

Возрождение связей с нашей национальной культурой для литовцев, проживающих в Калининградском регионе, экономически более чем оправдано. А знание литовского языка было бы полезно для всех жителей приграничной полосы. Наша творческая интеллигенция имеет возможность знакомиться с зарубежными, в том числе и литовскими, публикациями, выставками, концертной и театральной деятельностью. Научно-педагогическая интеллигенция, даже в низших социальных стратах, также получает преференции, пусть и мелкие, например, приглашения читать лекции, причем не только в университетах, но и в средних школах, участвовать в конференциях, подключаться к живым проектам в метрополии.

Ментальность диаспоры в целом может становиться активно враждебной, и как следствие – усиление ксенофобии россиян, не только по национальности, но и по вере. Ассимиляционные процессы при этом замедляются, а этническая консолидация, напротив, усилится, возрастет роль религии как культурно-политической константы. Особо надо учитывать вероятность этнической мобилизации литовского национального меньшинства при любых неопределенностях в статусе Калининградской области, притеснениях католической церкви, а также при снижении жизненного уровня жителей области.

Как бы то ни было, отнюдь нельзя говорить о полной идентичности диаспоры «российских литовцев» и жителей Литвы. В результате избирательной деятельности этнического менталитета происходит этническая регионализация. Будучи полисистемным образованием, этнический менталитет способен соподчинять националистические символы-мотивации с региональной и мировой средой. Носитель этнического менталитета способен отойти от позиции национальной исключительности на позицию универсализма, быть гражданином полиэтнического или внеэтнического образования. Поэтому необходимо перейти от эпизодического анализа к перманентной «управленческой экспертизе», учитывающей текущие

результаты и предсказывающей результаты любых вмешательств в этнические процессы, вычленять скрытые этнические тревоги, свидетельствующие об утрате перспективы этнической ментальности. Понимание национального характера как системы установок, ценностей и верований – это поле исследований, где можно наглядно увидеть внутринациональную схожесть индивидов и межнациональные различия. В крайнем пределе это приводит к позиции, что для понимания духа народа достаточно понять мировоззрения его элиты: для русской души – это Толстой и Достоевский, для литовской диаспоры – признание абсолютной ценности всего корпуса национальной истории и непоколебимая вера в святость законов и обычаев св. Римско-католической церкви. Последнее не означает ни особую начитанность русских, ни глубокую религиозность или исторические познания литовцев, особенно членов диаспоры.

Это вызывает вопрос о соотношении различных культурных традиций – культуры храмов и школ и крестьянской общины. Толщина первого слоя, в первую очередь литературного, подлежит исследованию, в то время как кино и другие визуальные искусства (живопись, TV) с позиций этнокультуры вообще ничего не отражают. Адекватно можно описать культуру только с позиций носителя и увидеть очевидные для него смыслы различных ее элементов. При этом надо понимать и различие взглядов культур храмов и школ и крестьянской общины. В целом этот подход, хоть и убедительно демонстрирует наличие ценностных межэтнических различий, не дает оснований для построения концептуальной базы объяснения происхождения и сущности этих различий, т.е. в большей степени является инструментом социологического описания. Тем не менее, даже беглый анализ литовской диаспоры Калининградской области показывает, что истинных носителей культуры храмов и школ среди них абсолютное меньшинство.

Потеря этносом своей центральной культурной темы всегда связана с сокращением в социуме числа лиц с традиционным культурным сознанием, или, по меньшей степени, их исключением из внутриэтнических коммуникаций, что в высшей степени соответствует ситуации в литовской диаспоре. Это ведет к деструкции традиционного социума, к резкому росту числа аутсайдеров, причем из числа интеллектуальной и культурной элиты. Попытки таких этнокультурных маргиналов привить новое этническое сознание, как правило, безуспешно, ибо проявляется защитный механизм традиционного социума: информация, противоречащая содержанию традиционного сознания, просто не воспринимается. Внутри культурных систем, в том числе и диаспор, возникают особые социально-культурные комплексы культурных автономий, живущих по своим представлениям о культуре [3, с. 33–46].

Для диаспор важно явление культурного дрефта – перенесение ядерного герменевтического круга на объекты большого круга, когда материально-технические феномены становятся подлинной традицией. Так, литовцы, проживающие в России, переносят из Литвы элементы архитектуры, интерьера, стиль жизни – например, две машины на семью или предпочтение жить в коттеджах. Немаловажно, что, несмотря на все исторические перипетии, литовцы в Калининградской области сохраняют свою этнокультурную идентичность с

литовским населением соседней Литвы, соблюдают преемственность традиций. В той же мере литовский народ, католический в своем большинстве, высоко ценит вклад своей церкви в сохранение и обогащение общенародных ценностей. Современные региональные культуры эклектичны – они представляют собой сложную мозаичную картину соседствующих, но не всегда взаимодействующих субкультур. Реально, в Калининградской области складывается особый, комплиментарный тип культуры, который позволяет каждой субкультуре как неотъемлемой части целого развиваться самостоятельно, т.е. региональная культура выступает консолидирующим фактором для регионального сообщества [4].

Анализируя ментальность литовцев, проживающих в калининградском регионе, легко выделить три основные группы. Первая – людей, полностью идентифицирующих себя литовцами, живущими на территории другого государства, истинная диаспора. Вторая – полностью ассимилированные – воспитывают детей вне национального языка и этнокультуры. Переходная группа – люди, пользующиеся литовским языком на уровне семейного, как правило, деформированного, но сохранившие стремление восполнить утраченную этнокультуру. Последняя группа, как правило, сохраняет связь с католической церковью.

Процентный состав групп практически неизвестен. Прежде всего, нет общепринятых критериев раздела. Ригористические националистические слои в Литве склонны считать ассимилированными всех литовцев, не владеющих свободно языком (включая говорящих с акцентом) и живущих вне узковоспринимаемой “литовскости” – т.е. предъявляют к диаспоре более жесткие требования, чем к жителям самой Литвы. Широкий взгляд признает “сохранившими литовский дух” всех литовцев по самовосприятию, признавая извинительным почти полную утрату языка мигрантами в третьем и более поколениях. Очевидно, что первая позиция неприемлема как изоляционистская и порождающая конфронтационные отношения к склонным к толерантности стратам. Последняя же может быть признана лишь при условии достаточно быстрой регенерации национального самосознания, что предполагает или значительную помощь титульного государства, или появления серьезных экономических причин для изучения национального языка и культуры. Очевидно, что у литовской диаспоры Калининградской области такие мотивы существуют даже в низших социальных стратах.

Без глубокого этнографического анализа мы бы определили долю литовцев в Калининградской области, аутентичных национальному облику, не более чем 20 %. Почти полностью ассимилированных, но литовцев по самоопределению, – примерно в 30 %. Степень денационализации практически половины «калининградских литовцев» весьма велика и включает в себя подстраты лиц: сохранивших большую часть национальной культуры в качестве семейной при утрате литературного языка (или региональных диалектов); владеющих языком на уровне семейного и сохранивших связь с костелом (в этнокультурном, а не в сакральном понимании, т.е. не обязательно выполняющих законы св. церкви в степени, достаточной для ритуальной чистоты); сохранивших национальное самовосприятие и пассивное владение языком при общем интересе к родине

предков. Подчеркнем, что слабое знание литовского языка, или даже полное его незнание, не уничтожают чувства этнического самосознания – язык для таких людей является символом этничности, а не средством коммуникации. Необходимо подчеркнуть, что такие, вроде бы денационализированные, члены диаспоры сохраняют значительный интерес к истории и культуре Литвы (как этнической, так и цивилизационной, включая сакральную), высоко оценивают мировоззренческий и этно-традиционный аспект литовскости [5, с. 96–112].

Модус действия литовцев в России задается их собственными этническими константами. В этносоциальном плане можно различить следующие страты литовской диаспоры:

1. Интеллигенция, выехавшая в Россию до распада СССР с целью большей самореализации. Эти люди, естественно, вживались в русскую среду, но без цели ассимиляции. Развиваясь независимо от культурных процессов в Литве, они все же не отрывались от национальной среды, имея намерения вернуться на родину. Ныне они группируются вокруг консульских служб, костелов, их связи держатся не только на экономической подпитке. С укреплением литовской государственности эйфория времен возрождения независимости проходит, уступая место желанию воспользоваться ее экономическими преимуществами

2. Выходцы из отдаленных районов страны, осевшие по местам ссылки в Сибири (из мусульманских регионов СССР большинство семей ремигрировало сразу после ликвидации запретов). Ассимилируясь культурно, ввиду отсутствия национальной интеллигенции, они сохранили бытовую национальную культуру, но исповедовали даже не антисоветизм, а русофобию. Тем не менее, многие литовцы, достигшие высокого уровня образования, вышли именно из этой среды. Они корреспондировали в Литву русофобию в наиболее агрессивных формах, ибо в самой республике на время распада СССР существовало понимание, что часть репрессий была вызвана условиями военного времени, и осознавалось резкое повышение качества жизни в республике 60-х годов по отношению к раннему послевоенному периоду.

3. Осевшие в ближнем приграничье Литвы невъездные потомки репрессированных, а также потомки литовцев, издавна живущих вне границ современной Литвы. К этой страте относится ныне основная часть «калининградских литовцев». Они принадлежат по большей мере к низким социальным стратам, сохранили литовский язык и культуру как семейные, придерживаются земляческой солидарности, но не склонны к идеологическому национализму, объединению на национальной основе за пределами своего привычного круга. Как правило, после восстановления независимости они не ремигрировали, но усилили национальные семейные традиции и завязали из прагматических соображений контакты с Литвой.

4. Осевшие в больших городах, прежде всего – в Санкт-Петербурге и Москве, потомки репрессированных и экономические мигранты постсталинского периода, относящиеся к более низким социальным стратам. Они в наименьшей степени сохранили литовский язык и культуру и не склонны к объединению на национальной основе. Именно эти литовцы массово выезжали на родину предков

после распада СССР – из романтического восприятия событий развала СССР и в связи с недостаточной адаптированностью к российским условиям. Утратив национальный стержень, они зачастую не приобретали новой ментальности. Национальные чувства таких людей активно поддерживались экономической помощью из Литвы. Ныне эта помощь не представляется значительной, а потому и национализм в этой среде имеет специфический характер: получить гражданство Литвы и мигрировать на Запад.

5. Существуют воспринимающие себя литовцами потомки ссыльных со времен польских восстаний и экономической диаспоры XIX – начала XX века. Они практически ассимилированы, национальная культура сохраняется более как аспект религиозной традиции. Однако полное отсутствие представлений о реальной истории и современной жизни Литвы, при наличии энергичных эмигрантов из нее и из дальнего зарубежья, может подогреть романтические настроения среди молодежи с недружественным антироссийским вектором, опирающейся на ностальгическую семейную традицию и общероссийскую неудовлетворенность современной ситуацией в стране. После распада СССР усилился интерес в молодежной среде, в т. ч. и в организованной, к повышению статуса национальной культуры, восстановлению традиций, переходу на более широкое функционирование литовского языка, вплоть до формирования землячеств и национально-культурных автономий [6, с. 279–280].

Для литовской диаспоры в Калининградской области национальное сосуществование не статичная, а динамическая реальность. Объединение нации всегда связано с каким-то важным предприятием, с замыслом, требующим всеобщего участия и способным воодушевить людей. Только тогда все начнут стараться, будут соблюдать дисциплину и выручать друг друга. При этом надо понимать, что этнос, попавший в опасное положение, сразу же собирает все силы, всю энергию, чтобы как можно скорее отразить угрозу, справиться с какой-то жизненно важной проблемой. Литовская диаспора может оставаться российскими патриотами только при наличии ясной личной перспективы, как минимум, безопасности пребывания на российской земле. Оптимально было бы использовать естественные превенции от двойной ментальности этих наших сограждан.

Миссионеры нашего времени разделяют взгляды св. Адальберта, утверждая, что надо с ухищренностью и великой любовью вжиться в дух и культуру народа, чтобы приобрести сердце его и носить его облик [7, с. 226]. Трюизм, что в любом обществе необходимо сохранять национальные культуры, включая культуру национальных меньшинств, ибо это является основой социального механизма взаимной адаптации этнических общин, является определяющим фактором в интеграционных процессах [8, с. 116–126; 9, с. 139–144].

В полиэтническом и поликонфессиональном регионе приоритетное значение имеют взаимопроникающие функции культуры, ибо гармонизация отношений происходит на основе обмена сведениями о культурной идентичности отдельных страт. То есть, национальные общины приобретут положительное значение, если будут открытыми, а их основой станет социально-культурная деятельность, особенно в части ознакомления славянского населения с культурой других жителей

региона. Если малый народ не имеет сведений о большом – это приводит к ограниченности, но если большой пренебрегает изучением своих малых соседей и сограждан – это путь к агрессивности. Напротив, нельзя забывать о такой значительной исторической миссии российского балтийского региона, как устранение динамического стереотипа русофобии в сопредельных странах, где она нагнетается в последнее десятилетие. Например, даже элитарный журнал польской интеллигенции «Новая Польша», специализирующийся на отражении польской ментальности для интеллигенции русской, из номера в номер публикует нетолерантные материалы. Этому есть объяснения, но нельзя допустить, чтобы ошибки прошлого накладывали свою тень на будущее народов региона Юго-Восточной Балтии.

Выводы. Целью настоящей работы было определение оптимальных этнокультурных методов интеграции подэтнуса литовской диаспоры в гражданское общество российского региона Юго-Восточной Балтии (Калининградской области).

В современных условиях интеграция наших соотечественников литовского происхождения в экономическое, культурное и политическое пространство не только важна для благоприятного протекания всех культурных, социальных и экономических процессов в калининградском локусе, но и сопряжена с высокой степенью неопределенности. Здесь нет явных дестабилизирующих факторов: законодательство отвечает международным стандартам, нет дискриминации национальных общин по этнокультурным и политическим мотивам, нет серьезного уровня бытового национализма у титульного населения. Наравне с этим является сложным выбор этносоциальных технологий стабилизации общественной жизни: латентные дисбалансирующие процессы в инокультурной диаспоре и стабильном российском обществе все равно идут, и нет рецептов прямолинейных решений. Существующий дискомфорт диаспоры является функцией макропроцессов, не направленных непосредственно против литовской общины. В этих условиях приходится использовать симптоматические методы решения национальных проблем, из которых наиболее эффективно и наименее конфликтно приведут к успеху этнокультурные технологии, являющиеся к тому же наиболее дешевыми методами социокультурного планирования общества.

Реализуя задачи, направленные на снижение межнациональной напряженности, можно и нужно опираться на многовековые традиции балтских и славянских народов. Диахроническая вертикальная информация включает в себя передаваемые из поколения в поколение знания по мировоззренческим и поведенческим вопросам, ориентирующим личность на различение добра и зла, судьбы этноса. Особое интеграционное значение для общественного сознания имеют представления о единой истории балтийского региона для всех населяющих его народов. Другим необходимым требованием является способность к межэтническому, межконфессиональному и политическому сотрудничеству, а для национальных меньшинств – и к положительной общественно-психологической оценке жизни в инокультурной среде, при сохранении внутреннего своеобразия этнокультурных групп.

Калининградский регион в рамках этих воззрений является оптимальным полигоном для моделирования интеграционных процессов в Европе. Дабы избежать унификации и минимизации культур, надо найти методы локализации самобытности небольших этносов, находящихся в инокультурном окружении, каковыми и являются представители литовской диаспоры России.

Список литературы

1. Петружис Г. Проблемы интеграции литовской диаспоры в регионе южной Балтии // Калининград – Клайпеда, 2017. – С. 21.
2. Marelman R. M. Revitalizing Political Socialization Political Psychology. – San-Francisco, 1986. – p. 279-310.
3. Шейнис В. Национальные интересы и внешняя политика России // Мировая экономика и международные отношения. – 2003. – № 4. – С. 33–46.
4. Докучаев Д. С. Региональная идентичность: понятие, структура, функции // Философия и культура. 2012. № 12 (60).
5. Малинова О. Ю. Либерализм и концепт нации // Полис – 2003. – № 2. – С. 96–112.
6. Сургеев В. Я. Культурное пространства и культурные инициативы молодежи на рубеже веков // Культура на пороге III тысячелетия. – СПб.: Академия культуры, 1998. – С. 279–280.
7. Любак А. Католичество. Социальные аспекты доктрины // Христианская Россия. – 1992.
8. Захаров А. А. Федерализм и глобализация // Полис. – 2002. – № 6. – С. 116–126.
9. Heller A. Cultural memory, identity and civil society // Intern. Politikund. Gess. – 2001, no. 2, pp. 139–144.

Shakhov V.A. Features of Culture of the Lithuanian Diaspora in the Russian Region of South-Eastern Baltic // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (40). – № 3. – P. 218-227.

The article deals with the problems of cultural identity of Lithuanians, residents of the Kaliningrad region. The specificity of ethno-cultural interaction of this considerable Diaspora with the titular nation of the border state of Lithuania in the dynamics and statics with all the ensuing consequences of cultural, geopolitical and economic character is revealed. The author emphasizes the importance in the multicultural region of the priority functions of culture aimed at the harmonization of relations between individual strata on the basis of the exchange of information about their cultural identity on the terms of open and trustful interaction and cultural exchange of traditional values. According to the author, the Lithuanians of Kaliningrad exclave face the problem of choosing between full socialization in the Russian society with the preservation and development of their national and cultural traditions or the final Exodus to the EU countries, which can lead to the loss of their cultural and national identity in the "sea" of its cultural space, subject to large-scale globalization.

Key words: Lithuanian Diaspora, ethnic culture, identity, South-Eastern Baltic, ethnicity, national traditions, mentality.

References

1. Petruzhis G. Problemy integracii litovskoj diaspory v regione yuzhnoj Baltii [Integration problems of the Lithuanian Diaspora in the region of the southern Baltic]. Kaliningrad – Klajpeda, 2017. – S. 21.
2. Marelman R. M. Revitalizing Political Socialization Political Psychology. – San-Francisco, 1986. – p. 279–310.
3. Shejnis V. Nacional'nye interesy i vneshnyaya politika Rossii [National interests and foreign policy of Russia]. Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. – 2003. – № 4. – S. 33–46.
4. Dokuchaev D. S. Regional'naya identichnost': ponyatie, struktura, funkcii [Regional identity: concept, structure, functions]. Filosofiya i kul'tura. 2012. № 12 (60).
5. Malinova O.YU. Liberalizm i koncept nacii [Liberalism and the concept of the nation]. Polis – 2003. – № 2. – S. 96–112.
6. Surteev V. YA. Kul'turnoe prostranstva i kul'turnye iniciativy molodezhi na rubezhe vekov [Cultural space and cultural initiatives of young people at the turn of the century]. Kul'tura na poroge III tysyacheletiya. – SPb.: Akademiya kul'tury, 1998. – S. 279–280.
7. Lyubak A. Mysli o Tserkvi [Thoughts about the Church]. Khristianskaya Rossiya. – 1994. – S. 69.
8. Zaharov A. A. Federalizm i globalizaciya [Federalism and globalization]. Polis. – 2002. – № 6. – S. 116–126.
9. Heller A. Cultural memory, identity and civil society // Intern. Politikund. Gess. – 2001, no. 2, pp. 139–144.